

Ник Аллек

НЕТ ПУТИ НАЗАД

18+

Ник Алнек

Нет пути назад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58494906

SelfPub; 2020

Аннотация

Он – не супергерой, он – обыкновенный служащий, живущий в мире далекого будущего, где человечество, научившись создавать порталы, узнает о других мирах и тут же сталкивается с массой проблем. Влюбившись в молодую женщину, преследуемую законом, он помогает ей и ее отцу бежать в мир Зазеркалья, где узнает об опасности, нависшей над людьми нескольких миров. Ради любви он борется со своими страхами, дискомфортом, комплексами и сомнениям.

Глава 1.

– Расскажите немного о себе.

– Я уже рассказывал...

– Знаю. Но вы говорили с моим коллегой, а мне интересно самому услышать, а не читать досье. Обещаю, больше вас никто не потревожит.

– Я вам не верю...

– Хорошо... Тогда спрашивать буду я... Судя по записям, вам тридцать пять лет и на свет вы появились в мае, 27 числа, 3515 года, после полудня, в детском инкубаторе. Пока все верно?

– Да.

– Что это за инкубатор?

– Обыкновенный инкубатор, в котором новорожденные находятся под присмотром специально обученного персонала.

– Понятно. Итак, вы работаете в небольшой конторе по поимке беглецов и носите женское имя Софи. А если быть точным, вас зовут Софи Краут... Скажите, почему у вас женское имя?

– У моей матери было девять сыновей, но она мечтала иметь дочь. Когда она получила лицензию на ребенка женского пола, то выбрала для него имя «Софи».

– И что? Причем здесь вы?

– Выбрав имя для ребенка, моя мать закрепила его за со-

бой... Но в момент идентификации младенца, оказалось, что из-за путаницы с маркировочными пистолетами, ей снова достался мальчик.

– Все равно не понимаю. Объясните проще.

– Куда проще... Нерадивая акушерка умудрилась перепутать меня с девочкой, лежавшей рядом, и вшила мне в бедро ее биор.

– Что такое биор?

– Биологический регистратор. Это как паспорт. В него занесена вся информация о человеке.

– Ага, теперь я вас понял. Что произошло дальше?

– Разразился скандал. Моя мать рвала и метала, но изменить что-либо было невозможно. Когда биор попадает в тело, он тут же растворяется и становится частью организма. Разумеется, с того момента любой биосканер фиксировал меня, как особу женского пола по имени Софи. Департаменту даже пришлось вносить изменения в программу сканеров, иначе в дальнейшем моя жизнь превратилась бы в одну большую проблему... У вас есть сигарета? Очень курить хочется.

– Да, конечно. Вот, возьмите... Скажите, а какое имя вы должны были получить, как особь мужского пола?

– Сократ.

– Значит, той девочке досталось мужское имя?

– Не знаю. Возможно. В тот день маркировали нескольких младенцев...

– Что было потом?

– Когда мне исполнилось четыре года, меня перевели в школу-пансион. В нем я жил и учился до восемнадцати лет.

– Другими словами, вы воспитывались вне семьи?

– Да, как и мои братья.

– Софи, чем вы стали заниматься после того, как закончили школу?

– Пошел работать. «Департамент Занятости» выдал мне направление на работу.

– Я читал, что вы сняли небольшой домик в тихой деревушке у моря, на юге Европейской провинции. Судя по записям, вы любите это место.

– Очень. Там потрясающий воздух. Он пьянит без всякого вина. Мне не хватает моего уютного дворика, дикого винограда, плетеного кресла, в котором я часто сижу с закрытыми глазами и, вытянув вперед босые ноги, слушаю шум прибоя.

– Скажите, когда вы общались с моими коллегами, то часто упоминали термин «Зазеркалье». Можно об этом поподробнее?

– Этот термин появился задолго до моего рождения. В середине двадцать первого века.

– Вы так считаете?

– Я ничего не считаю, это исторический факт.

– Даже так? Что же это за исторический факт?

– Группа ученых проводила в коллаидере какие-то очередные эксперименты. Видимо, в какой-то момент времени,

даже не подозревая об этом, они запустили процесс образования пространственно-временных разломов. Поначалу их никто не замечал. Лет тридцать. Правда, время от времени, в интернете появлялись заметки о разноцветных свечениях, возникавших то тут, то там на пару-тройку минут. Писали даже о том, что невольные свидетели этих явлений клялись под присягой, что в радиусе этих свечений исчезало все, что там находилось, двигалось или произрастало. Поползли разные слухи, но видные ученые, впрочем, как и не очень, ссылаясь на физику природных явлений, миражи и что-то там еще, поспешили назвать все это безобидными фантазиями очень впечатлительных натур...

– Продолжайте...

– Когда свечения прочно обосновались на определенных участках Земли и уже не меркли ни на одну секунду, испугались все. Те, кто проживал в непосредственной близости от загадочных явлений, бросали свои дома, имущество и устремлялись в другие места. За считанные дни вымирали целые города...

– Печально. А как повели себя ученые?

– В школьных учебниках по истории сказано, что ученые пробовали оправдаться, но, когда начался весь этот хаос, к проблеме подключились военные. Они взяли под свой контроль странные зоны, затем согнали лучших ученых в какой-то бункер и заставили изучить этот странный феномен... Можно еще сигарету?

– Берите... Что еще сказано в учебниках?

– В них сказано, что вскоре ответ был найден и подтвердились давние догадки о многомерности пространства. Цитирую: «Началась новая эра в истории физики как науки, а вместе с ней и новый виток в жизни человечества»... Сначала все шло замечательно. Ученые догадались, хотя, возможно, им и подсказали, как «разорвать» ткань пространства, чтобы связать две отдаленные точки друг с другом.

– Вы сказали «подсказали». Кто подсказал?

– Не перебивайте меня, а то я запутаюсь! Я, знаете ли, в школе был не лучшим учеником. Потом... Потом вам все станет ясно.

– Хорошо. Продолжайте.

– Так вот, им подсказали, как «разорвать» ткань пространства, и человечество приобрело возможность перемещаться из одного места в другое. Теперь можно было спокойно, за считанные секунды, попасть из Парижа в Нью-Йорк, из Лос-Анджелеса в Пекин, не расходуя при этом больших денег и времени на долгие перелеты. Это привело к всеобщему ликованию. Особенно счастливы были те, кто боялся летать. Разумеется, не все сразу бросились испытывать на себе преимущества порталов – их боялись, обходили стороной, отговаривали других. Скажите, вы бы стали, рискуя своим здоровьем и жизнью, пользоваться тем, что не понимает и не принимает рассудок?

– Нет.

– Но время берет свое, и спустя какие-то несколько лет никто уже не мог представить себе жизнь без этих переходов. Отпала необходимость в транспорте. Практически отпала. Воздух стал намного чище – в него уже не попадало столько вредоносных примесей, как раньше. Люди научились путешествовать между многочисленными слоями пространства, большинство из которых оказались местами обитаемыми, где тоже жили люди, анатомически ничем не отличавшиеся от нас. Мы стали познавать их миры, торговать, влюбляться. Одним словом, мир преобразился и его – некогда более или менее видимый горизонт, стал бескрайним.

– Красиво сказано.

– Это я процитировал из школьной программы. Однажды на уроке «Сотворение мира», наша учительница рассказывала нам – шестилеткам, что мир соткан из огромного количества слоев, отличных друг от друга числом пространственных или временных координат. Она говорила: «Мироздание, дети, похоже на толстую книгу, состоящую из множества страниц, каждая из которых представляет собой целый мир со своими законами Вселенной. Мир состоит из огромного количества слоев, имеющих отдельное пространство, отличающееся от другого своими формами»... Потом она попросила ответить, из скольких координат состоит наше пространство. Но никто из нас не знал. Весь класс молча сидел на полу, скрестив ноги, и тупо смотрел на нее. Учительница тогда разозлилась и заорала: «Какие вы все глупые!

Вам скоро семь лет, а вы не знаете, что мы живем в трех координатах, не считая времени!», и стала рассказывать о местах, где время имеет несколько измерений – два, три, а иногда и больше, и что все эти времена движутся одновременно, только с разными скоростями...

– Она бывала в таких местах?

– Вряд ли. Но пожелала нам когда-нибудь попасть в многовременье, чтобы по достоинству оценить его существование. В более старших классах один мой приятель пытался объяснить мне о жизни в тех слоях. Впрочем, не думаю, что вам это будет интересно.

– Вы неправы. Мне все интересно.

– Он как-то сказал: «Не знаю, как местные аборигены воспринимают свою реальность, но думаю, что на самом деле не все так плохо. Прикинь, ты познакомился с девчонкой, назначил ей свидание, ну, скажем, в парке, а сам на это свидание опоздал. И все – она ушла, на звонки не отвечает. И в то же время ты помнишь во всех подробностях, как суперски провел с ней день, у вас любовь, туда-сюда, потом вы поженились. Класс, да?».

Я тогда его спросил: «А если времен три?».

И он ответил: «Тогда еще круче, парень! В одном ты опоздал на свидание, в другом не опоздал, а в третьем, по дороге домой, встретил другую».

Я тогда еще рассмеялся и сказал: «Ага, и помню, как у нас с ней: любовь, семья, дети и все такое... А если меня чем-то

придавило по дороге домой, то я живу и помню собственные похороны?».

«Ну, теоретически да», – согласился со мной приятель...

– Софи, а почему вы сказали, что сначала все было замечательно?

– Потому что позже оказалось, что не все так хорошо, как виделось в начале. Создание порталов привело к тому, что многие профессии стали просто не нужны. Люди стали терять работу, а с ней и возможность нормально существовать. Но это была лишь первая ласточка беды, что уже витала над головами людей.

– Что вы имеете в виду?

– Зазеркалье. Так многие окрестили другие реальности. Зазеркалье преподнесло человечеству удивительный подарок – новую медицину и чудеса генетики. Мы почти перестали болеть и стали долго жить.

– Сколько?

– До двухсот и более лет. Как показало время, люди были не готовы к таким сюрпризам. Жить долго хотелось всем, но не все умели долго жить. К тому же подрастало новое поколение, которому тоже требовались определенные условия для нормального обитания. И хотя многие оставались в других мирах, людей от этого не становилось меньше. Начались убийства: из-за рабочего места, жилья, еды, политических взглядов, религиозных убеждений, да и просто так. Люди сильно деградировали и сходили с ума, каждый по-своему.

Выходить на улицу без оружия считалось безумием. Жизнь больше не представляла никакой ценности, и у многих пропало желание иметь потомство. Впереди замаячила демографическая катастрофа, а вместе с ней разрушения во всех сферах жизни... И тогда президенты всех стран были вынуждены пойти на крайние меры. Они создали ОП – Объединенное Правительство, которое тут же изменило и засекретило коды доступа в Зазеркалье. Были образованы новые правительственные структуры. Одной из таких структур стал «Департамент Контроля над рождаемостью и смертью», который тут же обязал каждого взрослого человека воспитать как минимум пятерых детей. Но не все хотели иметь потомство и тогда к ним стали применять довольно суровые меры наказания.

– Какие?

– Разные... Ну, к примеру, с них могли брать очень большие налоги... Могли отказать в медицинской помощи... Все это сопровождалось шквалом передач о новых взглядах на происходящие процессы в обществе, о разлагающей идеологии Зазеркалья и прочее, прочее, прочее...

– И это помогло?

– Вы знаете, да. Численность людей стала расти, и как только достигла нужной отметки, «Департамент Контроля» издал закон, по которому жить разрешалось до 150 лет. Не более. Отсрочку получали лишь те, кто, по мнению департамента, был полезен обществу – политики, ученые, деятели

искусств...

– И все с этим смирились?

– Разумеется, нет! Все эти шаги со стороны ОП вызвали шквал возмущения. По миру прокатились протесты: против закрытия Зазеркалья, против принудительного ухода из жизни, против самого ОП и просто против ВСЕГО! Их, правда, быстро погасили, зачинщиков упрятали в тюрьмы, запретили ношение любого вида оружия, а в некоторых регионах ввели военное положение. И у людей начался психоз «БЖ» – Боязнь Жизни, известный в старину как «Синдром живого трупа».

– Это когда появляется устойчивое стремление к суициду?

– Да. Люди впадали в тяжелейшую депрессию, кончали жизнь самоубийством поодиночке или группами. Тогда ОП, под предлогом появления опасного вируса из Зазеркалья, объявило о начале повальной вакцинации населения новым препаратом «Пиатон». Большинство, поверив в эпидемию, выстраивались в очередь за спасительной прививкой. На деле «Пиатон» оказался обыкновенным наркотиком, обладавшим сильным седативным действием. Люди успокаивались, однако побочный эффект этого препарата вызывал у них не только физическую зависимость, но и разрушительно действовал на некоторые органы. Их замена стоила ОП огромных средств, и препарат быстро заменили на другой – «Окситон», который не только давал состояние умиротворения,

но и позволял человеку не испытывать усталость на протяжении многих часов. Через пару месяцев восемьдесят процентов населения не могло обходиться без этого лекарства. Несмотря на то, что последний наркотик не приводил к сильным физиологическим разрушениям, департамент заявил, что отныне дети будут вынашиваться в специально разработанных инкубаторах...

– Расскажите мне о своей матери.

– Я не знаю, что о ней рассказывать.

– Что-нибудь, в общих чертах. Как ее зовут, как она выглядит...

– Ее звали Джул.

– Почему звали? Она умерла?

– Не знаю...

– Хорошо. Итак, ее звали Джул.

– Она была высокой, красивой, генетически абсолютно здоровой женщиной. Ни одного изъяна. Ее покойные родители были людьми успешными, богатыми и влиятельными, что дало ей возможность учиться в лучших школах, одеваться в самых дорогих бутиках и отдыхать на самых шикарных курортах. Разумеется, она читала и смотрела только то, что было разрешено и одобрено специальным «Департаментом Воспитания и Образования». Когда ей исполнился двадцать один год, она вышла замуж за старшего брата своей школьной подруги. Джул не любила его. Просто он являлся послом в одном из миров Зазеркалья, и это давало ей право не толь-

ко беспрепятственно бывать там, но и, возможно, продлить себе жизнь.

– Она любила вас с братьями?

– Нет. Она вообще никого не любила, кроме себя. Джул предпочитала навещать своих детей сначала в инкубаторах, а затем в пансионатах. Все остальное время Джул проводила в свое удовольствие.

– Вы когда-нибудь бывали у нее дома?

– Два-три раза в год Джул устраивала семейные обеды, на которые приглашала многочисленных друзей и знакомых. Разумеется, мы – ее дети, должны были присутствовать на этих обедах.

– А как вы думаете, зачем она приглашала посторонних на семейные обеды?

– Думаю, это была показуха. Некий пиар перед другими.

– Вы часто общаетесь со своими братьями?

– Нет. Я о них даже и не думаю, впрочем, как и они обо мне.

– Скажите, а ваш отец?

– Маленьким я видел его от силы раз пять. Карьера посла не позволяла ему часто бывать дома. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, он исчез. Кто-то говорил, что его убили, кто-то предположил, что он остался в Зазеркалье и у него там другая семья. Джул очень злилась.

– Почему?

– Потому что она не могла больше посещать Зазеркалье.

- В досье сказано, что вы тоже побывали в Зазеркалье. Как вам удалось это сделать, учитывая положение дел?
- Зачем вы хотите это знать?
- Чтобы понять, как помочь. Или вам не нужна наша помощь?
- Нет... Да... Не знаю...
- Расскажите, как вы туда попали?
- Если я расскажу, вы, правда, мне поможете?
- В этом и заключается моя задача, Софи...
- Хорошо. Это случилось за месяц до моего дня рождения...

Глава 2.

В то утро звонок будильника прогремел над моим ухом, как раскат грома, заставив меня вынырнуть из объятий Морфея, а, может, и самого Гипноса с жуткой головной болью. Не открывая глаз, я сел на край тахты и, оперевшись локтями в колени, начал пальцами массировать виски. Боль стала уходить. Послышалось цоканье, и я почувствовал на своем лице горячее дыхание. Это был Хвост – моя немецкая овчарка, мой единственный друг, которому я могу рассказать все, что накопилось в моем воспаленном воображении. Я люблю его, и Хвост платит мне тем же.

- Ты-ы прро-осну-улся? – протяжно поинтересовался он.
- Почти, – ответил я и открыл глаза.

Пес стоял рядом и вилял хвостом. Протянув руку, я потрепал его по загривку.

Это теперь звери умеют говорить. Не все, но умеют. Спасибо генетикам. Лет пятьсот назад они изменили что-то в их мозгах и гортани, что привело к большому научному открытию.

– Рра-або-ота-а? – пес посмотрел на меня преданным взглядом.

– Да, приятель, – сунув ноги в шлепанцы, я с трудом поднялся и побрел на кухню. – Сейчас тебя выпущу, потом накормлю. Когда вернусь, не знаю. Я оставлю тебе еды на вечер.

– Хо-орро-ошо-о, – Хвост двинулся за мной следом.

Я открыл дверь, и он выскочил в садик.

Добежав до любимого куста, Хвост внезапно остановился и, повернувшись ко мне, провыл:

– Джу-ул. Вче-ерра-а.

Я поморщился. За последний месяц это был уже пятнадцатый звонок от нее. Сварив себе кофе, я уселся за стол и, поправив на своем запястье вирком, набрал номер матери.

– Слушаю, но не вижу, – раздался ее голос.

– Привет, Джул, это Софи.

– Наконец, – в ее голосе послышалось слабо скрываемое раздражение. – Я ждала твоего звонка еще вчера. Разве твоя псина не передала тебе?

– Говори, что тебе нужно. Мне скоро уходить.

– Почему я тебя не вижу?

– Нет времени подключать голограмму.

Она знала, что я вру, но ничего не сказала, лишь, наигранно вздохнув, промурлыкала:

– Ты слишком много работаешь, сын. Тебе ни на что не хватает времени. Из-за этой работы ты до сих пор не женился и не завел детишек. И друзей у тебя нет.

– У меня есть Хвост.

– Хвост, – хмыкнула в ответ Джул. – Он не может заменить тебе жену и детей. Кстати, через месяц тебе исполнится тридцать пять. Ты помнишь об этом?

– Помню, – буркнул я.

– Тогда в чем дело? Надо отпраздновать это событие. Если дело в деньгах, то я могу одолжить тебе небольшую сумму. Ты же понимаешь, после того, что сделал твой отец, я осталась совсем нищей.

– Понимаю, – согласился я. – Рестораны, модные показы, вечеринки. И везде надо поспеть. Джул, ты можешь спать спокойно, у меня есть деньги. Правда, вечеринка отменяется.

– Но..,

– Не стоит ломать комедию, мама. Мы оба прекрасно знаем, что тебя мало заботит жизнь собственных детей. Если бы не закон, ты вряд ли завела нас.

– Даже если это и так, ты не вправе упрекать меня.

– Так зачем ты звонила?

– Меня волнует судьба моего прошения в департамент. Ты случайно не в курсе, по нему принято решение?

Я знал, но надеялся, что она не спросит.

– Нет, не знаю, – снова соврал я. – Постараюсь сегодня все выяснить.

– Да-да, узнай и позвони, – в ее голосе слышалась нервность. – Мне снова пришло напоминание. Кстати, меня пригласили в качестве модели на грандиозное шоу. Представляешь? Оказывается, я еще интересна людям! Они придут на меня посмотреть. Меня никак нельзя лишать жизни. Ты передай им это. Никак. Я могу принести казне много денег. Ты все запомнил? И позвони. Сразу же, как только узнаешь...

Я отключился. Конечно, я ей не позвоню. Просто пошлю сообщение, что «Департамент Контроля над рождаемостью и смертью сожалеет о том, что мадам Джул Краут обязана покинуть этот мир через шесть месяцев, потому что не считает указанную в прошении причину веской для принятия положительного решения в пользу продления жизни». Еще я напишу, что департамент благодарит ее за сто пятьдесят лет преданного служения обществу и настоятельно рекомендует, обратившись в любое юридическое бюро, привести в порядок все свои дела и составить завещание. Даже посоветую ей такое бюро. Я очень надеялся, что она мне больше не позвонит, и следующая наша встреча состоится только на ее похоронах.

Прибежал Хвост. Его лапы были влажными от утренней

росы.

— Ку-уша-ать, — попросил он.

Я поставил перед ним миску с едой, а сам поплелся в ванную. Там я привел себя в порядок, затем убрался на кухне, оделся и включил для Хвоста его любимый канал для животных. Он тут же, запрыгнув на мягкую тахту и вытянувшись на ней во всю длину, уставился на экран. Я улыбнулся и тихо закрыл за собой дверь...

Глава 3.

Моя контора находилась на втором этаже одного из деловых центров Европы. Когда не нужно было рыскать в поисках беглецов, я любил сидеть здесь, в небольшом кабинете, и, медленно покручиваясь в мягком кресле, наблюдать за бурлением жизни сквозь затемненное оконное стекло...

Вот и сегодня, появившись на работе раньше времени, я уселся в свое кресло и, откинувшись на его высокую спинку, развернулся к окну. Уставившись в одну точку, я принялся мысленно философствовать с собственным потоком сознания. И когда я, вконец измученный мыслями, медленно погрузился в состояние легкого транса, в мой кабинет, соблазнительно покачивая бедрами, вошла Эдит...

Восхитительная женщина! Когда я только устроился в контору, ей как раз стукнуло сто двадцать лет. Несмотря на разницу в возрасте, у нас с Эдит случился бурный роман.

Она стала моей первой женщиной, и, спустя два месяца, я сделал предложение. Эдит тогда рассмеялась мне в лицо и ответила отказом. Видите ли, для семьи, нужен мужчина состоятельный, а не вчерашний школьник, который годится ей в правнуки. После того разговора мои отношения с ней стали носить исключительно рабочий характер. Правда, совсем недавно, на ее очередные вздохи по поводу того, что мужчины видят в ней только потенциальную любовницу, а не жену, я умудрился ляпнуть, что у нее еще вся жизнь впереди...

Эдит вошла в кабинет и не спеша направилась к моему столу. Аккуратно подвинув в сторону флешку с данными на беглецов, она поставила передо мной чашку с горячим какао и, развернувшись, медленно направилась к выходу. У самой двери, Эдит, лишь слегка повернув голову в мою сторону, произнесла:

– Звонил Лоренц и просил срочно с ним связаться.

– Хорошо, – ответил я.

Пожав плечом, Эдит вышла из кабинета.

Отхлебнув из чашки ароматный напиток, я поудобнее устроился в кресле и стал внимательно изучать информацию, мелькавшую на экранах регистратора. Полностью погрузившись в работу, я забыл о том, что должен позвонить Лоренцу, а когда вспомнил, у меня сразу заныли зубы.

Лоренц был моим шефом. Высокий, несколько полноватый, пятидесяти двух лет, с редкими лоснящимися волосами и маленькими, близко посаженными глазками, он произ-

водил отталкивающее впечатление. Кроме того, Лоренц постоянно что-то жевал.

Потянувшись к запястью, я с ужасом обнаружил, что на руке нет виркома. Видимо, я забыл одеть его после душа. Придется воспользоваться виртуальными очками. Они, конечно, вещь удобная и в некоторых ситуациях незаменимая, но у меня от них начинала болеть голова...

Еще задолго до моего рождения, очки стали хорошей альтернативой многочисленных гаджетов, которые к тому времени наводнили мир. Превратившись в неотъемлемую часть имиджа, очки породили многочисленных дизайнеров, придававших оправе и линзам всевозможные формы и цвет.

Не все были рады появлению виртуальных очков – многие считали, что они способствуют вмешательству в личную жизнь других людей, так как их передвижения моментально становились известны широкой публике. Суды были завалены исками. Противники использования этого устройства в общественных местах предпочитали самостоятельно вершить «правосудие». Они срывали очки с тех, кто их носил, разбивали, давили ногами. Иногда, за компанию, доставалось и владельцу очков – его избивали, а порой и калечили. Но никакие действия не могли отбить желание у тех, кто хотел постоянно находиться онлайн.

Спустя какое-то время, с теми, кто носил очки целый день, начали происходить странные вещи: их стали преследовать головные боли, резь в глазах, воспаление век, а в

некоторых случаях и слуховые галлюцинации. Врачи забили тревогу – среди любителей виртуальных очков сильно возросло число онкологических заболеваний. Когда на свет стали появляться младенцы с признаками дистрофии глазного яблока и головного мозга, власти многих государств, существовавших еще в то время, запретили использование этого гаджета. Только в крайних случаях, только спецслужбам и только на короткое время. Так как я был ловцом, то имел право на ношение очков, но пользовался ими крайне редко.

Вот и сейчас, поморщившись, я нацепил их на себя и, не отрываясь от экранов регистратора, произнес вслух:

– Звонок Лоренцу.

По линзам очков пробежала рекламная строка, после чего появилось лицо жующего шефа.

– А, Краут! – с набитым ртом воскликнул он.

– Вы искали меня?

Лоренц тщательно вытер рот салфеткой и спросил:

– Ты получил новое досье на беглецов?

Я скосил глаза на левый нижний экран регистратора. По нему медленно полз список имен тех, кто не явился в «Дом Забвения» на прошлой неделе. Теперь, спустя три дня, они были объявлены в розыск и их данные поступили во все офисы, занимавшиеся поиском потенциальных покойников.

– Да, – я снова сфокусировал взгляд на шефе. – На кого-то стоит обратить особое внимание?

– Номер пятьдесят, – отозвался Лоренц. – Красная метка.

«Особо опасен», – про себя подумал я и, отыскав глазами нужный номер, прикоснулся к нему пальцем. Передо мной развернулось голографическое изображение молодой женщины с короткими темными волосами, пухлыми губами и большими синими глазами. Она улыбалась, отчего на ее щеках образовались очаровательные ямочки.

– Вы уверены, что она из беглецов? Выглядит естественно молодо. И взгляд молодой женщины.

Лоренц аж поперхнулся:

– Красная метка! Краут, проснись! Она не беглец и не подлежит уничтожению. Ее просто надо найти и доставить в «Департамент Общественной Безопасности». Хочешь знать, сколько дают за ее поимку? Миллион кредитов. Ты когда-нибудь слышал о таком?

– Нет, – ответил я. – В какое дерьмо она сунула свою миленькую головку, если за нее отваливают целое состояние?

– Тебя как ловца это не должно волновать, но я намекну. Она – дочь Артура Зарин.

– Я должен его знать?

– Софи, ты меня поражаешь! Ты не только должен, ты обязан знать его имя. Из школьной программы.

– Да я как-то не отличался большой любознательностью. Кто он такой?

– Профессор физики, возглавлял группу ученых, изучавших пространственные разломы.

Я даже присвистнул:

– Не может быть! Ему же тогда...

– Очень много лет, – закончил за меня шеф. – Несоизмеримо много.

– Как же он умудрился столько прожить?

– Благодаря Зазеркалью. Он провел там слишком много времени, тем более в самых закрытых слоях, куда доступ имеют единицы. Вернулся оттуда лет сорок назад. Находился в фаворе у ОП, но спустя год был лишен всех званий, отлучен от науки и ему перекрыли доступ в иные миры. Поговаривают, что он нашел проход в срез прошлых событий.

– Это тоже в школе изучают? – поинтересовался я.

– Не ломай комедию, Краут, – шеф явно был не в настроении. – Об этом мне рассказал старина Аарон.

Аарон... Аарон... Аарон... Я пытался вспомнить, где мог слышать это имя. Ах, да! Аарон – муж сестры Лоренца. Точно! Он работает в администрации ОП и частенько, выпив больше положенного, делится слухами и сплетням, гуляющими в кабинетах власти.

– Мало того, – продолжал Лоренц, – в это же время при загадочных обстоятельствах один за другим погибают все члены его рабочей группы. Где сам профессор, никто не знает.

– Так в чем проблема? Надо проверить биосканы...

– Ему черт знает сколько лет! Тогда еще не было биоров! – побагровев, рявкнул Лоренц.

– Извините, забыл, – я откинулся на спинку кресла. – Значит, его дочь является всего лишь приманкой? А в департа-

менте уверены, что она знает, где находится ее родитель?

Лоренц потер мочку уха и хмыкнул:

– Это не наше с тобой дело. На кону стоят большие деньги, и это все, что меня интересует.

– Вы хотите, чтобы именно я поймал эту девицу?

– Понимаешь, Софи, ты хороший ловец. Впрочем, что я говорю. Ты один из лучших. У тебя потрясающая интуиция!

– Благодарю, – мне было приятно услышать похвалу от этого человека.

Лоренц откашлялся и продолжил:

– То, что ты видишь – приблизительная картинка того, как она может выглядеть сейчас.

– Они создали ее на основе фотоанализа отца и матери?

– Нет.

– Хорошо. Тогда, почему они не запустят фотосканеры? Быстрее получится.

– А кто тебе сказал, что они этого не сделали? Вся загвоздка в том, что они не знают ее имя, и даже если мы задержим похожую на нее женщину, то доказать, что она и есть дочь профессора будет трудно.

– ДНК ее отца.

– А у нас есть это ДНК?

– Понятия не имею.

Лоренц поджал губы:

– Софи, у нас нет его ДНК. Кстати, она из того же инкубатора, что и ты. Все, что у нас имеется – это адрес дома, где

якобы профессор жил одно время. Кое-кто обещал мне придержать этот адресочек на пару часов. Если поторопишься, то успеешь попасть туда первым. Принимайся за дело!

И он отключился...

Я поднялся с кресла и, сунув руки в карманы брюк, начал нервно расхаживать по кабинету из угла в угол. Я не люблю искать людей, когда за ними гоняются сотни две ловцов. Приблизившись к столу, я оперся об него руками и решил еще раз пробежаться глазами по досье дочери профессора.

Итак, «Мисс Зарин, родилась 2 августа 3515 года в австралийском отделении детского инкубатора...»

Там же, где и я.

«Присвоен номер 4.992.550.932. Была похищена из инкубатора собственным отцом и отбыла в неизвестном направлении. Настоящее имя, как и биор, неизвестно».

Интересно, как же она тогда училась в школе? Или лечилась, когда болела? Это абсолютно невозможно сделать, если биоскан не определяет биор. С этим я решил разобраться позже и вернулся к досье...

«Возможный адрес пребывания... Возможный номер виркома...».

Везде «возможный», но попробовать стоило. Я набрал номер. Раздались гудки. Один, два... девять. Включился автоответчик. Сначала я услышал задорный женский смех, затем какую-то возню, шушуканье и только затем приветствие:

«Привет! Это Аврора. Самая красивая, самая обворожи-

тельная, самая изящная, самая удивительная, самая умная, самая веселая, самая обаятельная, самая-самая, что просто не нахожу слов. А еще: самая сексуальная, стильная, шикарная, чертовски артистичная, неустоимая, дерзкая, забавная и просто идеальная! Согласны? Тогда смело оставляйте сообщение, и я обязательно перезвоню».

Это явно была какая-то другая особа. Не думаю, что дочь профессора была так наивна, чтобы оставлять свое приветствие на виркоме. Часы показывали одиннадцать. В «Доме Забвения» меня ждали только в пять вечера, и я решил сгонять по возможному адресу пребывания беглянки.

Но, прежде чем отправиться на поиск, я связался со своей домовладелицей. Когда она ответила, я произнес:

– Анна, скорее всего, я вернусь поздно. Сможете покормить и прогулять Хвоста?

– О чем речь, Софи! Я сейчас же за ним схожу и приведу к нам домой. Ты же знаешь, как Альберто и наши внуки любят гулять с ним по берегу моря.

– Спасибо вам, Анна. Я еще позвоню...

Анна. Я никогда не знал, сколько ей лет. Возможно, около семидесяти. Она, как и все ее предки, принадлежала к церкви «Истинная Жизнь», которая категорически отрицала переходы в другие земли и призывала своих чад прожить столько, сколько отпустит им Творец. Тех же взглядов придерживался и ее муж Альберто. Супругам принадлежал приличный кусок земли на берегу Средиземного моря. Бу-

дучи молодыми, они возвели на нем храм, куда из многих мест стекались приверженцы их веры. Но после того, как на «Истинную Жизнь» начались гонения и храм подожгли, им ничего не оставалось делать, как построить на этом месте небольшую деревеньку – домов двадцать, в которой любили останавливаться на отдых художники, писатели и поэты. Поселившись в одном из домиков, я стал единственным, кто не вписывался в эту творческую атмосферу.

Супруги сами воспитали пятерых детей, из которых лишь двое остались жить рядом с родителями. За те семнадцать лет, что я снимаю у них дом, мы очень сблизились. Когда я решил завести собаку и получил на это разрешение, Альберто лично сопровождал меня в питомник, где помог выбрать щенка. Если мне приходилось много работать, то я оставлял Хвоста с ними. Он был очень привязан к старикам, тем более что свои первые слова пес сказал благодаря им...

Сунув очки в карман пиджака, я выскочил на улицу. Спустя пять минут, я уже входил в просторный вестибюль, стены которого украшали двенадцать исполинских полуфигур мужчин и женщин. Эти мраморные красавцы-титаны, выходящие телами из стен, держали на своих могучих плечах высокий расписной потолок. Между ними находились затемненные арочные проемы – порталы.

На удивление было немногочленно. Я подошел к одному из свободных проемов и, набрав на дисплее код местности, стал ждать. Через пару секунд по затемненной глади проема пробежала первая рябь – это был сигнал, подтверждающий, что переход возможен. Когда рябь усилилась, я сделал шаг...

Глава 4.

Ожидая, пока местный паренек подгонит мне электромо-
биль, я, заложив руки за спину и закрыв глаза, наслаждался звуками Тихого океана. Его волны с мягким гулом накатывали на берег и, ударяясь о небольшие каменные пороги, с мягким шумом убегали обратно в толщу воды. Здесь, в Центральной Америке, было раннее утро. Где-то совсем рядом играла музыка, слышалось нестройное пение и смех – у кого-то явно затянулся ужин.

Открыв глаза, я снял пиджак и ослабил узел галстука. В моем распоряжении было часа четыре. Потом я должен вер-

нуться в контору и прямо оттуда мчаться в «Дом Забвения».

Ко мне на большой скорости подъехала машина с откидным верхом. За рулем, широко улыбаясь, сидел посыльный.

– Сеньор, извини, долго ждать! – с сильным акцентом прокричал паренек, выскакивая из машины и уступая мне место: – Ехать прямо, потом право и вверх, на гора. Там то, что искать. Может, сеньор хотеть взять номер отель?

– Нет, спасибо.

– У нас есть хороший девочки, мальчики, есть маленький возраст. Сеньор любит?

– Нет!

Усевшись за руль машины, я тронулся с места. Под колесами зашуршал гравий. Дом, где могла жить дочь профессора, находился не на побережье, как я предполагал изначально, а практически в горах, в стороне от шумных курортных мест. Навигатор предательски молчал. Проехав несколько километров и не встретив ни одного указателя, я чуть было не проскочил поворот. Резко затормозив и выругавшись, я полез во внутренний карман пиджака за виртуальными очками.

Надев их, я открыл карту местности и проложил маршрут. Сдав назад, я свернул на узкую извилистую дорогу, идущую сквозь кипарисовую рощу. Миновав ее, электромобиль устремился вверх. На крутых горных поворотах ему явно не хватало мощности. Он еле полз, и у меня начали сдавать нервы. Еще немного, и я бы собственноручно сбросил машину в

пропасть. Останавливало только то, что, судя по карте, которую я видел на линзах, мне требовалось преодолеть еще приличное расстояние. Минут через двадцать я уперся в отвесный склон горы, на котором пучками произрастала какая-то зелень. Дальше дороги не было, но в свете фар был виден небольшой подъемник. Облегченно вздохнув, я снял очки и, заглушив мотор, вылез из машины. Дул сильный, пронизывающий ветер. Поежившись, я достал из машины пиджак и быстро надел его на себя. Медленно приблизившись к подъемнику и внимательно изучив его, я встал на платформу и дотронулся до панели. Подъемник дернулся и медленно пополз вверх. Интересно, в каком веке устанавливали эту рухлядь?

То ли от холода, то ли нервишки окончательно расшались, но меня стал бить озноб. Только этого мне и не хватало! Решено, как только доберусь до этой девицы и доставлю куда надо, сразу возьму отпуск и буду сидеть дома, в саду, и читать Хвосту вслух книги. Или буду валяться с ним на диване и тупо смотреть все, что показывают многочисленные каналы.

Подъемник еще раз дернулся и остановился. Ступив на каменистую почву, местами покрытую мхом, я огляделся. Начало светать. Пологий склон представлял собой почти ровный участок земли, где у подножия горного хребта стоял дом, умело скрытый от посторонних глаз. Его стены были покрыты материалом, напоминавшим кору дерева, а в боль-

ших окнах отражались растущие на соседних склонах деревья. Где-то рядом слышалось журчание горного ручейка. Я подошел к дому и подергал за ручку двери. Она была заперта.

Постучав, я прислушался. В доме царила тишина. Тогда я попробовал хоть что-нибудь разглядеть через толстые стекла окон. Но внутри дома было так темно, что моя надежда на внезапную удачу стала быстро улетучиваться.

Потоптавшись еще немного, я решил, что пора уходить. И именно в этот момент в глубине дома вспыхнул огонек. Я не поверил своим глазам. Неужели она дома? Огонек стал приближаться, и через несколько мгновений дверь мне открыла пожилая женщина в длинной белой рубаше. На голове у нее красовался старомодный чепчик, а в руках она держала медную старинную лампу, освещавшую ее морщинистое лицо.

Посмотрев на меня строгим, чуть мутным взглядом, старуха сурово сказала:

– Я ждала тебя еще вечером. Проходи!

И она посторонилась.

Меня явно с кем-то спутали, но я ничего не сказал и лишь молча переступил порог дома. Свет от лампы был тусклым и не позволял увидеть многое: лишь пару обшарпанных диванов, да низкий журнальный столик на трех ножках.

Прошаркав мимо меня, старуха буркнула:

– Жди здесь.

– Мэм, включите свет – я темноты боюсь, – ляпнул я пер-

вое, что пришло мне в голову.

Старуха что-то пробормотала себе под нос, но свет за-
ггла. И тут я обомлел. Все стены были заставлены книжны-
ми шкафами, в которых плотными рядами стояли или ле-
жали самые настоящие книги. На меня это произвело оше-
ломляющее впечатление. Такого количества книг я не видел
даже в музеях. Неужели когда-то во всех домах находились
такие библиотеки? Вряд ли. Они занимают слишком много
места. Куда удобнее электронные хранилища.

Я не удержался и протянул руку к одной из книг. При-
коснувшись подушечками пальцев к ее корешку, я ощутил
шероховатость материала. Аккуратно вытащив реликт, я от-
крыл его на первой попавшейся странице, и мне в нозд-
ри ударил странный едковато-кисловатый запах, от которого
тут же защекотало в носу. Я громко чихнул. Обветшавшие
и пожелтевшие от времени страницы казались хрупкими и
готовыми в любой момент рассыпаться у меня в руках. Ис-
пугавшись, что этим все и закончится, я быстро захлопнул
книгу и поставил ее на место.

– Не привыкли нынче люди к настоящим книгам, вот и
чихают от бумажной пыли, – услышал я голос хозяйки дома.

Обернувшись, я посмотрел на пожилую женщину. Она
поманила меня к себе пальцем, и я послушно подошел к ней.

– Вот это надо передать получателю, – сказала старуха,
протягивая мне толстую тетрадь.

Я взял тетрадку в руки, и из нее тут же что-то выпало и

мягко спланировало на пол.

– Какой неуклюжий! – возмутилась старуха.

– Извините, мэм, случайно получилось.

Я нагнулся и поднял всю в изломах и с неровно оторванным краем старинную фотографию, запечатанную в непроцаемую пленку, на которой была запечатлена красивая молодая женщина.

– Кто это? – спросил я, рассматривая фотографию.

Старуха кинула на нее безразличный взгляд и, пожав плечами, ответила:

– Я так давно живу, что не помню.

Заложив фотографию между листами, я захлопнул тетрадь и сказал:

– Тогда я пойду.

Старуха молча открыла мне дверь, и я вышел в прохладу наступившего утра...

Глава 5.

Вернувшись в контору, я быстро пролистал страницы тетради. Они были исписаны математическими уравнениями, странными символами и схемами. Ни одного слова. Настоящая головоломка, которую я очень хотел разгадать, но времени было в обрез, и я, сунув тетрадь во внутренний карман пиджака, начал готовить документы по беглецам. От работы меня отвлек звонок. Это был Лоренц.

– Есть новости, – заявил он, как только его лицо появилось на линзах очков. – Конкурирующая контора поймала одного парня. Он ошивался около того самого дома, где когда-то жил профессор.

Я напрягся. А вот и курьер нашелся.

– Когда?..

– Час назад. Так что можешь туда не соваться.

– Я только что оттуда вернулся.

– И?..

– Ничего. Профессор там не живет. Его дочь тоже. Только старуха. А что за парня там взяли?

– Обыкновенный курьер. Работает в одной небольшой фирме. Неделю назад им поступил заказ. Нужно было что-то забрать и передать в руки некоего гражданина в Новой Зеландии. Парни у этих курьеров все заявки просмотрели. Действительно, есть такой заказ.

– Думаете, этот некий гражданин и есть профессор?

– Не думаю. Поэтому по-прежнему нас интересует только его дочь. Ты должен ее поймать. Миллион кредитов.

– А что старуха? Ее арестовали? – поинтересовался я, стараясь вложить в свой голос максимум равнодушия, на которое только был способен.

– Да кому она нужна! Уверяет, что никого не видела, ничего не знает, вот только я ей не верю. Эх, знать, где там камеры слежения установлены – мы много интересного смогли бы узнать.

Я хорошо понимал, о чем говорил шеф. Официально считалось, что в курортных местах Центральной Америки, как и еще в нескольких значных местах Африки, камеры слежения якобы не устанавливались. На самом деле скрытые камеры в этих местах были повсюду и предназначались для слежки за политиками и толстосумами. И желающих заполучить информацию о буйствах этой публики было предостаточно.

– А если запросить информацию со спутников? – предложил я.

Лоренц расхохотался:

– Софи, ты порой, как наивное дитя! С каких пор военные помогают «Департаменту Безопасности»? Они ненавидят друг друга. Забудь!

– Шеф, а вам не кажется странным, что той старухе явно больше ста пятидесяти лет, а ее никто не трогает?

Лоренц помолчал, а затем ответил:

– Кто их разберет. Это не наша забота. В списках беглецов она значится?

– Нет.

– Так почему у нас должна болеть голова?..

Ровно в пять вечера я прибыл в «Дом Забвения» и, быстро поднявшись на второй этаж, вошел в комнату ожидания. Мои беглецы находились уже там, под присмотром двух полицейских из ДОБ. По всей видимости, их уже успели накачать убойной дозой транквилизаторов: движения беглецов

были заторможены, а взгляды – безжизненными и потухшими.

Кивнув полицейским, я направился к стойке администратора, за которой стоял полный мужчина в черном костюме. Проведя ладонью по густой шевелюре, он обратился ко мне.

– Вы Софи Краут?

– Да.

– У нас все готово для проведения ритуала. Вам осталось только подтвердить свой статус и получить деньги.

Я приложил ладонь к скану на поверхности стойки. Тот мгновенно считал мой биор и на нем высветились цифры. Пятьдесят?

Переведя взгляд на администратора, я спросил:

– Простите, но тут какая-то ошибка. Мне должны были перевести шестьдесят кредитов...

– Никакой ошибки нет, – ответил администратор и снова провел ладонью по волосам: – К нам доставили пять беглецов. По десять за каждого. Итого, пятьдесят.

Я обернулся. Пересчитав подопечных, я поманил к себе пальцем одного из полицейских и спросил:

– Где еще один?

– Скончался по дороге от разрыва сердца, – отрапортовал тот.

– Вы готовы? – услышал я за спиной голос администратора.

– Да. Готовы.

Он набрал на дисплее код, и раздвижные двери из непрозрачного матового стекла бесшумно разъехались в разные стороны, пропуская нашу группу внутрь.

Ненавижу эту часть своей работы. Каждый раз, когда я попадаю в «Комнату Упокоения», меня прошибает пот. Я не раз задавался вопросом, что буду чувствовать сам, когда наступит мой черед. Может, к тому времени изменятся законы или все снова начнут быстро стареть, или наш мир перестанет существовать?... Хотя, возможно, ничего не изменится и мне придется сделать этот чертов выбор: спокойно уйти из жизни под действием препаратов или бежать и скрываться, как это делают многие другие.

Нас уже ждали две женщины в длинных черных платьях с кружевными белыми воротничками. Пока полицейские снимали пластиковые наручники, я от нечего делать принялся рассматривать убранство комнаты, в которой не был месяца полтора. Все те же бежевые стены, приглушенный свет и светло-пепельные перегородки, делящие пространство на несколько частей. Интересно, какое количество уходящих ежедневно проходит через это место? Я начал было производить в уме арифметические действия, но от этого занятия меня отвлек администратор:

– Вы хотите присутствовать при подключении к капельницам? – услышал я его вопрос.

– Нет, увольте. Предпочту, если за меня это сделает кто-нибудь другой.

– Тогда вы можете идти. Если хотите, я выпущу вас здесь, но лучше через основной зал. Оттуда ближе к portalу.

– Знаю.

Направляясь к выходу, я краем глаза видел, как беглецов по очереди уводят за перегородки. Там, уложив каждого на красиво убранные каталки, им наденут наушники, а в вену введут иглу от капельницы, в которой уходящих дожидается «Зов Предков» – специальный коктейль для безболезненного ухода из жизни.

В основном зале было многолюдно. Пришедшие проститься томились в ожидании: одни просто стояли, уткнувшись в свои гаджеты, другие тупо слонялись из стороны в сторону, а третьи смотрели рекламу на телепанелях.

Я стал пробираться к выходу, и тут мой взгляд наткнулся на лицо молодой женщины. От неожиданности я чуть не споткнулся. Это была она – женщина со старинной фотографии. Один в один. Только моложе и волосы темнее. Дочь профессора? Возможно.

Мисс Зарин стояла около заплаканной женщины и о чем-то тихо с ней разговаривала. Почувствовав, что на нее кто-то смотрит, она повернула голову в мою сторону и замолчала. Глупо было стоять и продолжать пялиться на нее. Мне ничего не оставалось, как подойти к ним.

– Добрый вечер, – поздоровался я, не сводя глаз с мисс Зарин.

Она ничего не ответила, только кивнула в ответ, а ее спутница спросила:

– Вы пришли попрощаться с Фрэнком?

– Да, – соврал я уже четвертый раз за день.

Женщина слабо улыбнулась и сказала:

– Я совсем не помню вас. Простите, но у меня сейчас такое состояние...

– Понимаю, – отозвался я и слегка пожал протянутую мне руку.

– Спасибо, что нашли время. Это так странно. Я сообщила всем, кто знал Фрэнка, но, как видите, пришли только вы и Лизи.

Вот, значит, как. Ее зовут Лизи...

– Вы работали вместе с моим мужем?

– С кем? – не понял я.

Дочь профессора удивленно приподняла одну бровь, а женщина повторила:

– С моим мужем. С Фрэнком.

– Ах, да, – спохватился я. – Нет-нет, встречались иногда.

– Встречались? – женщина сильно сжала в руках небольшую сумочку. – Последние двадцать лет Фрэнк не выходил из дома...

Я поспешил перевести разговор, и, обратившись к Лизи, сказал:

– Давно мечтал с вами познакомиться, мисс Зарин.

От неожиданности та вздрогнула:

– Я не понимаю...

Она не успела договорить. Появились первые каталки с усопшими, и ее спутница, громко всхлипнув, устремилась к одной из них. Лизи поспешила следом.

Я не знал, что мне делать. С одной стороны, я представился знакомым покойного, а с другой, мне абсолютно не хотелось ломать комедию скорби. На мое счастье, сотрудники «Дома Забвения» не дали растянуть процедуру прощания, и каталки очень быстро увезли в крематорий.

Поддерживая под руку жену Фрэнка, Лизи повела ее к выходу. Я не мог отпустить ее просто так. Догнав женщин у самого порога, я обратился к мисс Зарин:

– Простите, но нам обязательно нужно поговорить.

Лизи в недоумении посмотрела на меня:

– Вы же видите, я сейчас не могу. Позвоните мне завтра. Вы знаете мой номер виркома?

– Это не может ждать до завтра, мисс Зарин.

Жена Фрэнка посмотрела на Лизи и тихо произнесла:

– Не беспокойся за меня, девочка, со мной все будет хорошо. Жаль, что твой отец не смог приехать.

Женщина нежно обняла дочь профессора, и та поцеловала ее в щеку. Слабо улыбнувшись, вдова Фрэнка дотронулась до моей руки и после этого покинула «Дом Забвения».

Проводив ее взглядом, Лизи повернулась ко мне. Взгляд молодой женщины не предвещал ничего хорошего:

– Кто вы такой? – вызывающе спросила она.

– Мисс Зарин, – начал я.

– Я не мисс Зарин, – перебила она меня, – и я не понимаю, почему вы уже третий раз обращаетесь ко мне подобным образом.

Я опешил. Ошибиться я не мог. Я был уверен на миллион кредитов, что передо мной стоит дочь профессора.

– Профессор Артур Зарин ваш отец?

– С чего вы это решили? – приподняв одну бровь, спросила Лизи.

– Да или нет?

– Что вы хотите? Я позову охрану!

– Это ваше право, мисс Зарин, но, если вы заметили, я пока вежлив с вами.

Она, отскочив от меня, воскликнула:

– Это называется вежливостью?!

Несколько любопытных взглядов устремились в нашу сторону.

– Давайте не будем привлекать к себе внимание, – устало сказал я. – Тем более что охрана вам не поможет. Я – ловец, и она будет полностью на моей стороне.

– Ловец? – от страха у нее расширились зрачки.

И так постоянно! Никто не любит ловцов. Можно подумать, что это мы издали закон, запрещающий жить больше ста пятидесяти лет. Бред! Но нас избегали и боялись, словно мы прокаженные.

– Да, ловец, – подтвердил я. – И мне не хотелось бы при-

менять силу. Итак, начнем сначала. Артур Зарин ваш отец?

– Предположим, – настороженно ответила Лизи.

– А если хорошо подумать?

Лизи прищурила глаза и, чуть склонив свою голову набок, спросила:

– Скажите, я похожа на идиотку?

– Нет.

– Тогда, с чего вы решили, что я сдам вам папу? Да, он нарушил закон и купил мне другой биор, но это ведь не сверхпреступление. Тем более прошло столько лет...

– Во-первых, я ничего не решал. Во-вторых, у меня есть то, что очень заинтересует вашего отца. А в-третьих, в розыске находитесь вы.

– Я?! – Лизи ошарашенно уставилась на меня.

– Да. И арестовать я должен вас. Почему? Этот вопрос не ко мне – я лишь исполнитель.

– Скажите, – сделав шаг назад, спросила дочь профессора, – откуда вы знаете, что я – это я?

– Это не имеет значения.

Лизи молча изучала мое лицо. Наконец она сказала:

– Хорошо. Позвольте мне позвонить отцу. Это все какое-то недоразумение, нелепость, и я уверена, что он во всем разберется.

Обычно я сразу скручиваю беглеца, но в данном случае она им не являлась, и я, кивнув головой, ответил:

– Да, конечно.

Пока Лизи говорила по виркому, я, облокотившись о широкую стойку с брошюрами, не сводил с нее глаз. Она была совершенством. Невысокая, тоненькая, словно тростинка, с небольшой грудью и бесподобными ногами. В ней была та изюминка, что сводит с ума. Если бы мы встретились при других обстоятельствах, у нас мог бы завязаться роман. Мне нравилось в ней все: и как она, разговаривая, пытается заправить непослушную прядь волос за ухо, и как хмурит свой гладкий лоб, и как покусывает свою нижнюю губу. Я смотрел на нее и не мог оторваться.

И именно в тот момент, когда я любовался точеной фигуркой Лизи, одной толстой тетке, проходившей мимо, приспичило остановиться напротив меня, загородив своими необъятными формами дочь профессора. Движением руки я попросил ее отойти в сторону, но та, нагло усмехнувшись, повернулась ко мне спиной. Выругавшись, я направился к тому месту, где стояла дочь профессора, и обнаружил, что мисс Зарин исчезла!.. Только что здесь стояла и разговаривала по виркому, а теперь ее нет – она улизнула, воспользовавшись ситуацией. Во мне вспыхнула ярость. Даже не знаю, из-за чего больше. То ли оттого, что из-за собственной глупости потерял хорошие деньги, то ли от обиды, что со мной так подло поступили. Я, как подорванный, завертелся на одном месте, и тут мой взгляд наткнулся на ту самую жирную корову, что загородила от меня дочь профессора. Она все еще стояла на том же самом месте и с довольным выражением лица упле-

тала пирожное внушительных размеров. Меня стало обуревать только одно желание – свернуть ей шею.

Я с детства не переношу людей больших размеров. Возможно, из-за того, что в школе надо мной постоянно измывался один толстый гаденыш, а детская психика вещь ранимая. Увидав мой взгляд, женщина засунула в рот остаток сладкого и с набитым ртом пренебрежительно бросила:

– Чего уставился, урод?

Я сжал пальцы в кулаки и медленно двинулся на нее.

Лицо толстухи исказилось, а в маленьких, заплывших жиром, глазках вспыхнул страх.

– Билли, Билли! – истошно завопила она.

Заметив краем глаза какое-то шевеление, я повернул голову и в тот же миг получил мощный удар прямо в скулу. Не удержавшись на ногах, я отлетел в сторону и врезался в стоявшую неподалеку каталку с покойным. Падая, я опрокинул ее на себя, и покойник, свалившись, откатился в сторону. Несколько женщин закричали. Выбравшись из-под каталки, я потер ушибленную скулу, стукнул себя ладонью по лбу и, с трудом поднявшись на ноги, попытался сфокусировать свой взгляд на Билли. Мне это удалось, и я увидел перед собой довольно рослого, накачанного амбала. Рядом с ним, пытаюсь подпрыгивать на отечных ногах, продолжала верещать тетка:

– Врежь ему, Билли, врежь! Еще раз!

На мое счастье к нам подбежала охрана. Если бы не они,

думаю, Билли успел бы размазать меня по стене...

Оказавшись на улице, я первым делом, надев очки, соединился с программой уличных камер. Введя пароль, я подключился к панорамному обзору всех близлежащих улиц и переулков. Лизи нигде не было видно. Тогда я переключился на камеру, установленную напротив выхода из «Дома Забвения», и ввел приблизительное время побега. Перед моими глазами пошла запись. Вот жена Фрэнка вышла на улицу, постояла немного и направилась в сторону портала. Я чуть ускорил запись и остановился, когда увидел, как из дверей выбежала дочь профессора и что есть мочи побежала в сторону станции. Это плохо. Если она прошла через портал, я не смогу отследить ее передвижение. Но то, что я увидел дальше, обрадовало и расстроило меня одновременно: из соседнего переулка на большой скорости выскочил электрокар и сбил бежавшую по улице Лизи. Ее, словно тряпичную куклу, отбросило в сторону, и она упала прямо на тротуар. Не останавливаясь, кар скрылся. Лизи, держась за левый бок, медленно поднялась на ноги и, сильно хромя, направилась к небольшому магазинчику. Открыв дверь, она вошла внутрь. Развернув камеру под нужным мне углом, я прочитал вывеску: «Элитный чай из Зазеркалья». Теперь я знал, где могу найти беглянку...

Глава 6.

Когда я вошел в магазин, у меня над головой предательски дернулся и звякнул дверной колокольчик. За последние лет двести он снова вошел в моду, но в тот момент у меня было совсем не то настроение, чтобы умиляться его перезвону.

Магазинчик представлял собой небольшую комнату, стены которой были полностью заставлены стеллажами. На их полках уютно расположились многочисленные емкости, заполненные какими-то травами, лепестками, разноцветными шариками и чем-то еще, что внешне очень напоминало опилки. Посреди комнаты стоял резной столик, на котором помимо небольших электронных весов и сканера красовалась ваза с искусственными цветами. Мое внимание привлек дверной проем, завешанный тяжелой портьерной тканью. Если за ней нет другого выхода, то Лизи могла находиться только там. Не успел я об этом подумать, как ткань шелохнулась и в проеме показалась невысокая худощавая женщина с очень короткой стрижкой. Она производила странное впечатление. Может быть, из-за нарисованных бровей, а может быть, из-за шрама, идущего от правого виска через всю щеку, к подбородку. Женщина шагнула мне навстречу и, оглядев меня с ног до головы, спросила довольно низким голосом:

– Вы что-то ищите?

– Кого-то, – поправил я ее. – Минут тридцать назад сюда вошла молодая особа. Где она?

– Вы ошибаетесь, сюда никто не заходил.

– Неужели? Это зафиксировали камеры слежения.

Лицо женщины пошло красными пятнами. Приблизившись к ней, я тихо добавил:

– Вы хотите, чтобы через пять минут здесь были представители ДОБ? Особа, о которой я спрашиваю, находится в розыске и, следовательно, укрывая ее, вы являетесь пособницей.

Женщина отпрянула от меня, и я, отодвинув портьеру, вошел в еще одно небольшое помещение, предназначенное для хранения товара. Первое, что бросалось в глаза – сломанное окно-кондиционер. Его цифровая картинка снежных гор тускло мерцала, и чувствовался спертый запах воздуха. На полу хаотично валялись большие коробки с товаром. На одной из них, вытянув вперед левую ногу, сидела перепуганная Лизи. Ее лицо было неестественно белым.

Засунув руки в карманы брюк, я сказал:

– Еще раз, здравствуйте, мисс Зарин.

– Сколько можно повторять: у меня другое имя, – тихо произнесла она.

– Мисс Зарин, меня абсолютно не интересует ваше нынешнее имя – это будет выяснять ДОБ.

Я достал из кармана брюк пластиковые наручники и добавил:

– Во всей этой истории меня огорчает то, что я позволил обмануть себя.

Лизи сильно втянула в себя воздух:

– Что теперь об этом говорить... Странно все это.

Она с трудом поднялась на ноги и, сплетя вместе пальцы, протянула вперед руки.

– Сожалею, но теперь я вынужден надеть на вас наручники и доставить...

Договорить я не успел. Сильный удар по затылку заставил меня замолчать. Комната закружилась перед глазами, и я, схватившись обеими руками за голову, обернулся назад. За моей спиной, с искаженным от ненависти лицом, стояла женщина с нарисованными бровями. Она что-то кричала мне, но я ничего не слышал – в ушах звенело. Скользнув растерянным взглядом по ее лицу, я попробовал сделать шаг вперед, но упал и потерял сознание...

Очнулся я от того, что меня кто-то похлопывал по щекам. Открыв глаза, я увидел лицо склонившегося надо мной молодого мужчины.

– Вы кто? – хриплым голосом спросил я.

– Владелец магазина.

Он помог мне подняться и, усадив на табурет, подал стакан воды. С жадностью выпив, я вернул ему стакан, пощупал затылок и, обнаружив большую шишку, поморщился.

– Крови нет, – поспешил успокоить меня хозяин. – Вы легко отделались. Ваза была тяжелая.

– Как вас зовут?

– Том Брук, – он опустился на одно колено и стал собирать с пола многочисленные осколки.

– Смотрите, не порежьтесь, – предостерег я, продолжая ощупывать шишку, – лучше щеткой подмести.

– Нет у меня здесь щетки, – сказал Том, – если бы знал, что в моем магазине развернутся боевые действия, то принес бы из дома.

– Я не видел вас здесь.

– А меня и не было. Я домой ходил.

– И оставили магазин открытым?

– Я попросил присмотреть за ним покупательницу. А что мне оставалось делать? Сюда ввалилась молодая девица и стала что-то сумбурно говорить о мобиле, который ее сбил... Что бы вы сделали на моем месте?

– Вызвал бы медиков и ДОБ.

Он бросил несколько осколков в пустую коробку и поднялся с колена:

– Я и хотел их вызвать, так она не дала. Попросил ее уйти, а она ни в какую. Вот я домой и пошел. Я тут рядом живу.

– А домой-то зачем?

– За обезболивающим.

– Вы хотите сказать, что храните лекарства дома? Это запрещено законом.

Том, нагнувшись, подобрал еще пару осколков.

– Думаете, я не знаю? Но мне много лет, и возраст дает о себе знать. Через неделю стукнет сто тридцать два года. Силы и здоровье уже не те... Суставы болят, одна почка отка-

зала...

– Почему сами не обратитесь к врачам? Они быстро все заменят.

Том криво улыбнулся:

– А вы в курсе, сколько это стоит? Мне дешевле лекарство купить у нелегальных торговцев, чем отработать предоставленные кредиты.

– Хорошо. Зачем вы ей хотели дать лекарство?

– Чтобы ушла быстрее, – пояснил Том. – Мне не нужны неприятности. Может, она врала, что ее сбили.

– Что произошло дальше?

– А что произошло? – удивился он. – Отсутствовал от силы минут пятнадцать. Возвращаюсь, а тут такое! Вы на полу, покупательница пытается стащить целую коробку ценнейшего чая... За что они вас так?

– Понятия не имею, – ответил я. – Наверняка они были в сговоре и хотели вас ограбить, а я случайно зашел и помешал.

Помолчав немного, мужчина сказал:

– Думаю, вы правы... Простите, я не спросил вашего имени.

– Алекс, – не моргнув глазом, представился я и добавил: – То, что вы ушли домой, спасло вам жизнь. Они могли разбить вазу и об вашу голову.

Хозяин тяжело вздохнул и, выбросив осколки, протянул мне какой-то сплюснутый предмет:

– Это, кажется, ваше.

Он оказался прав – это были мои очки, только полностью искореженные. Кто-то явно уничтожал их с большим наслаждением. И я, кажется, догадываюсь, кто. Повертев в руках испорченный гаджет, я бросил его в коробку с мусором. Взглянув на хозяина, я поинтересовался:

– Так вы ее отняли?

– Что? – не понял Том.

– Коробку с чаем.

– Ах, это! Конечно. Активировал парализатор – и всё, дамочки успокоились. Он ткнул пальцем в сторону.

Я обернулся и обомлел. Там, притулившись спиной к стене, сидела Лизи. Чуть в стороне от нее, лицом вниз, лежала та самая покупательница с нарисованными бровями.

Поднявшись с табурета, я был вынужден снова сесть. Моя голова просто раскалывалась. Скривившись от боли, я спросил у Тома:

– Где лекарство?

Тот поморгал глазами, видимо, вспоминая, куда положил обезболивающее, затем суетливо проверил все свои карманы и, нащупав пакетик с порошком, протянул его мне. Я быстро открыл его и высыпал содержимое в рот. Порошок имел приторно-сладкий вкус, но действовал на удивление быстро – боль стала отступать. Поднявшись, я подошел к женщинам и присел на корточки. Глаза Лизи были широко открыты, а пальцы рук неестественно вздрагивали. Было видно, как

ей тяжело дышать. Итак, парализатор. Откуда он у хозяина? Их запретили законом лет четыреста назад. Спросить его? Он вряд ли скажет правду... Штука-то убойная – действует на центральную нервную систему, парализуя ее практически полностью. Если не ошибаюсь, то у многих возникали ожоги. Я стал вспоминать, сколько по времени длится воздействие парализатора на человека. Кажется, до четырех часов... Внезапно меня стало подташнивать.

Я повернул голову к хозяину магазина:

– Том, а это точно было обезболивающее?

Тот оторвался от подсчета коробок и взглянул на меня:

– Да. Я его почти каждый день принимаю.

– Странно, – сказал я. – Меня тошнит от него.

– Пожалуй, это из-за удара, – предположил Том и вернулся к своему занятию.

Возможно. Я снова посмотрел на женщин.

– Как долго они находятся в отключке? – спросил я, борясь с позывами рвоты.

– Минут тридцать, – откликнулся он.

Я передвинулся поближе к покупательнице и перевернул ее на спину. Платье на ней задралось, и я присвистнул. Дамма оказалась совсем не дамой. Теперь понятно, почему он так испугался, когда я упомянул о ДОБ. Уже лет семьсот гомосексуалисты, лесбиянки и прочая братия нетрадиционной ориентации были вне закона. Если кто-нибудь из них попадал в поле зрения ДОБ, то ничего хорошего их не ждало. Ну

что же, посмотрим, что с этой личностью. Лоб и часть подбородка приобрели ярко-красный цвет. Вот и обещанный книгами ожог. Но самым неприятным было то, что нетрадиционщик не дышал. Я попробовал нащупать пульс сначала на шее, потом на руке. Он не прощупывался. Неужели труп? И тут я вспомнил, что парализатор был опасен для сердечников.

Поднявшись, я повернулся к Тому. По нему было видно, что он сильно напуган – кровь отхлынула от его лица.

– Боги, помогите мне! – запричитал хозяин магазина и бросился ко мне. – От чего он... она... оно умерло? Это ведь был всего лишь парализатор!

– Он опасен для сердечников, – ответил я.

Схватив меня за плечи, Том заорал мне прямо в ухо:

– Но в наше время не бывает проблем с сердцем! Генетики проверяют эмбрионы! Прошу вас, помогите мне! Я не хотел! Я защищался! Я не хочу в тюрьму!

От его визга головная боль возобновилась и подкатила к вискам. У меня свело скулы, и на глаза опустилась пелена. Я оттолкнул его от себя и тихо сказал:

– Во-первых, и генетики могут ошибаться, а, во-вторых, он мог быть рожден естественным путем.

– А биор?

– Куплен на черном рынке, – я начинал терять терпение. – Вы лучше скажите, где взяли парализатор? Только правду. Том закивал головой и быстро заговорил:

– Я взял у отца, а тот у своего. Когда мой папа умер, я стал носить его при себе. В наше время безопасность не помешает. Смотрите, он так похож на обыкновенный брелок! Никто и не догадывался. Вы поможете мне? Я ведь помог вам... Вас тоже могли убить...

Я молчал. Он снова приблизился ко мне и шепотом предложил:

– Давайте избавимся от него. У меня есть небольшой автобус. Перевезем тело куда-нибудь и выбросим там...

Идея мне понравилась.

– Хорошо. Подгоняйте мобиль.

– Только никуда не уходите, – жалобно попросил Том, – я скоро.

– Не уйду, – пообещал я.

Как ловец, я обязан был доложить о произошедшем в департамент, но во мне боролись два желания: деньги и Лизи. Я хотел получить кучу кредитов, но не хотел отдавать им мисс Зарин.

Пока Том бегал за своим автобусом, я снова вошел в программу камер слежения через виркомовский браслет нетрадиционщика. Как полезно иногда напиваться с Лоренцом. Можно узнать столько интересного. На одной из таких попок он выложил код доступа в программу. Теперь я мог не только управлять камерами, где бы они ни находились, но и удалять из их памяти любую информацию, что я и сделал. Теперь никто не узнает, что Лизи была в «Доме Забвения»

и разговаривала со мной. Впрочем, как и то, что мы провели некоторое время в чайном магазинчике. Чтобы не оставлять следы своих пальцев, я аккуратно вытер браслет подолом платья.

Том подогнал свой автобус вплотную к дверям и полностью загородил вход в магазин не только от камер наблюдения, но и от посторонних глаз. Запихнув тело в одну из больших коробок, мы затащили ее в салон автобуса, после чего я аккуратно перенес и Лизи. Том пристроился около коробки, а я, преодолевая головную боль, сел за руль и нажал на газ...

Глава 7.

У меня было странное видение: большая черная воронка, вращающаяся со страшной силой. Было очень страшно и я, падая в нее, знал, что там меня ждет конец... И тут из ниоткуда появилось лицо Лизи. Она улыбалась и смотрела так ласково... Я слышал шепот, но не понимал ни одного слова. Потом ее лицо приблизилось к моему, и она меня поцеловала – сначала в лоб, затем в подбородок, щеки и глаза. И мне стало так хорошо...

Нет, это не поцелуи. Я явно ощущал на лице чей-то влажный язык. Хвост. Конечно, это же мой Хвост вылизывал меня. Учувяв, что я пришел в себя, он заскулил, и его пушистый хвост заработал в бешеном ритме. С трудом разлепив веки, я приподнялся на локтях. Странно, но я находился дома и

лежал на своей любимой тахте. Мой пес стоял рядом и, виляя хвостом, преданно смотрел мне в глаза. Протянув руку, я погладил его по голове. Хвост в ответ лизнул мою руку.

– Как я здесь очутился? – спросил я у него, с трудом поднимаясь на ноги.

Хвост протянул:

– Ве-ече-ерр... Бо-олно-о... У-упа-ал...

Я ничего не помнил. Вернее, помнил, как с трудом доехал до ближайшего транспортного портала и, проехав через него в какой-то отдаленный уголок, выкинул коробку с трупом в ближайший овраг. Меня сильно рвало, голова раскалывалась, но я нашел в себе силы и довез всех обратно. А дальше провал в памяти...

С кухни доносились приглушенные голоса. В сопровождении Хвоста я буквально ввалился на кухню. За большим столом сидели Анна, Альберто и Лизи, укутанная в теплое одеяло. Увидав меня, Анна с причитаниями бросилась ко мне. Альберто еле поспевал за ней. Они помогли мне добраться до стула, и я, усевшись на него, рассеянно посмотрел вокруг себя. Анна подала мне чашку горячего бульона.

Я отхлебнул немного, обжегся, поморщился и, посмотрев на Лизи, спросил:

– У меня только один вопрос: как я оказался дома?

Анна, смахнув с глаза слезинку, затараторила:

– Вечером примчался Хвост. Он был так взволнован, что не мог ничего сказать. Но мы поняли, что с тобой произошла

беда.

Ее перебил Альберто:

– Прибежали к тебе домой. Тебя рвет в ванной, рядом лежит эта женщина и задыхается. Ты, когда нас увидел, пытался что-то сказать, но речь была невнятная. Анна вызвала Андре – нашего младшего. Ты должен его помнить.

Я кивнул головой, хотя абсолютно не мог вспомнить, как выглядит их сын.

– Андре ведь врач, и хороший врач, – продолжал старик. – Он обследовал тебя и сказал, что ты чем-то отравился. А после того, как наш мальчик ввел тебе какие-то препараты, ты сразу отключился. Андре и подруге твоей помог.

– Почему ее лихорадит?

– Такая реакция на лекарство, – вмешалась Анна. – Софи, скажи, ты балуешься наркотиками? Как те, что боятся жизни?

– Нет, – успокоил я стариков. – Меня ударили, сильно болела голова и мне дали обезболивающее.

Альберто и Анна вздохнули с облегчением.

– Поэтому у тебя на голове такая шишка? – Анна нежно погладила меня по затылку. – А кто ударил?

Ойкнув от прикосновения, я попытался пошутить:

– Один добрый самаритянин.

– Ты бульон попей, тебе сейчас восстановиться нужно, – попросила Анна.

Я слабо улыбнулся и выполнил ее просьбу.

– Раз с тобой все в порядке, – сказал Альберто, – мы пойдем. Скоро внуки проснутся.

Он поднялся и, бережно поддерживая жену под руку, повел ее к двери. Я тоже встал, чтобы проводить супругов. То ли бульон помог, то ли их сын действительно оказался отличным врачом, но я твердо стоял на ногах и – самое главное – у меня не болела голова. Поцеловав на прощание Анну, я выпустил Хвоста и вышел следом за ним во внутренний дворик. Прижавшись спиной к стене дома, я прикрыл глаза и позволил прохладному ноябрьскому ветерку, впитавшему в себя запах моря, омыть меня своими ленивыми порывами. Я наслаждался его прикосновениями к моей разгоряченной коже, и у меня было ощущение, что он словно очищает мое тело от какой-то серой массы, облепившей меня за последние двое суток. Едва слышное шевеление сбоку заставило меня открыть глаза. Я повернул голову и увидел Лизи. Она стояла в проеме двери, и ее по-прежнему потрясывало.

– Хочешь кофе? – спросил я ее.

– Я не люблю кофе, – ответила она, кутаясь в одеяло. – Я никак не могу согреться. Можно, я приму душ?

– Да, конечно. Пойдем, я тебя провожу...

Ее не было целый час. Когда она, наконец, вернулась, я допивал уже четвертую чашку кофе с джемом. Хвост, развалившись у моих ног, громко сопел. По тому, как покраснелись ее лицо и руки, я понял, что она долго стояла под струями горячей воды, а зачесанные назад влажные волосы при-

давали ей трогательность.

– Я заварил тебе чай. Будешь?

– Спасибо, – она села за стол напротив меня. – А где другая женщина?

– Кто? Анна?

– Нет, другая, из магазина, – сказала Лизи, наблюдая, как я наливаю чай в чашку.

– Умерла.

– Жаль.

– Это как сказать...

Лизи как-то странно посмотрела на меня, но промолчала.

Я придвинул к ней чашку:

– Могу я спросить тебя?

Лизи кивнула головой.

– Ты вчера сказала, что отец купил тебе биор. Это правда?

– Да.

– Но ведь все биоры на учете.

Она помотала головой:

– Нет, не все. Есть неустойчивые биоры. Их еще называют хамелеонами. Они могут спокойно сосуществовать с биором, что дается человеку при рождении.

Я был поражен.

– Откуда у тебя такая информация? – осторожно спросил я.

Обняв ладонями чашку с чаем, Лизи ответила:

– От отца. Их давно выпускают. Для разведчиков, поли-

тиков, некоторых ученых.

– Расскажи подробнее, – попросил я.

– Если кратко, то эти биоры можно запрограммировать таким образом, что каждые две-три недели они будут самостоятельно менять имя и номер регистрации владельца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.